

Награда прапорщика Щеголева

Любезный Щеголевъ!

Начало интервенции англо-французовъ въ войну пашу съ Турціей въ 1854 году произошло въ Черномъ морѣ, гдѣ появился ихъ большой соединенный флотъ. Наша Черноморская эскадра, только что уничтожившая турецкій флотъ въ бою подъ Синопомъ, была настолько слабѣе вторгнувшегося союзнаго флота, что принуждена была оставаться на своей базѣ въ Севастополь. Утромъ 10 апрѣля, въ Страстную субботу флотъ изъ 28 боевыхъ судовъ подошелъ къ незащищенной Одессѣ и началъ бомбардировать городъ и гавань. У насъ лишь одна батарея расположенная на конечности мола могла отвѣчать на судовой огонь 350 орудій. Она состояла изъ четырехъ легкихъ 24 фунтовыхъ пушекъ при 28 артиллеристахъ, подъ командой прапорщика Щеголева, только что выдвигавшаго изъ Дворянскаго полка — такъ называлось военно-учебное заведеніе въ С. Петербургѣ, подготовлявшее вольноопредѣляющихся къ производству въ офицеры.

Въ теченіи шести часовъ батарея была подъ перекрестнымъ огнемъ ядеръ и бомбъ; два орудія были подбиты, половина ея состава рапена. Но батарея стрѣляла непрерывно и съ такимъ успѣхомъ, что четыре неприятельскихъ фрегата понесли значительныя поврежденія и были выведены изъ строя, а затѣмъ и вся эскадра удалась.

Получивъ отъ командира 3 корпуса генералъ-адъютанта барона Осгента-Сакена донесеніе о подвигѣ прапорщика Щеголева, Императоръ Николай I произвелъ его въ штабсъ-капитаны и по удостоенію Георгіевской Думы наградилъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній Цесаревичъ Александръ Николаевичъ (впоследствии Императоръ Александръ II) о такой наградѣ извѣстилъ прапорщика Щеголева слѣдующимъ письмомъ:

Поздравляю тебя съ славнымъ твоимъ подвигомъ и съ Царскою за него наградой. Посылаю тебѣ Высочайшій приказъ о производствѣ тебя въ подпоручики, поручики и въ штабсъ-капитаны, грамоту со статутомъ на Всемилостивѣйше пожалованный тебѣ орденъ Св. Георгія и самый орденъ. Прилагаю при семъ же и Георгіевскій крестъ съ Моей груди, прими его какъ подарокъ признательнаго Отца почтенному сыну.

Благодарю тебя за твою мужественную, стойко-уставную заслугу; благодарю тебя отъ всѣхъ Военно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ отнынѣ имя твое будетъ произноситься съ уваженіемъ и подвигъ твой будетъ служить примѣромъ воинской доблести.

Запечатываю еще въ Мой конвертъ два на твоё имя письма, оба тебѣ поздравительныя и оба тебѣ благодарственныя: одно отъ всего Дворянскаго полка, другое отъ оставшихся еще въ этомъ полку однолѣтнихъ твоихъ воспитанниковъ.

Спасибо, голубчикъ Щеголевъ; наградишь тебя Государь, наградитъ тебя и Богъ. Обнимаю тебя.

Александръ.

С. Петербургъ, 22 апрѣля 1854 года.

Комментарій къ этому письму излишенъ. Въ немъ такъ ярко и живо запечатлѣнъ «духъ» нашихъ военно-учебныхъ заведеній той эпохи, такъ красиво воспроизведены трогательныя отношенія начальника и товарищей къ молодому офицеру, исполняющему свой долгъ, что намъ остается только высказать пожеланіе, чтобы при предстоящей воспитательной подготовкѣ кадровъ возсоздаваемой Русской арміи не были бы забыты тѣ заветы и традиции, на которыхъ строилась и которыми жила наша старая Императорская армія.

А. Гулевичъ.

Въездъ Императора Фердинанда въ Регенсбургъ

Въ Регенсбургѣ, въ 1630 году, былъ назначенъ имперскій сеймъ для разрѣшенія многочисленныхъ важныхъ дѣлъ. Война шла двѣнадцать лѣтъ, и конца ей не было видно. Грабежи, налоги, поборы разорили Германію. Между тѣмъ, дѣло все запутывалось, и никто уже не могъ бы толкомъ объяснить, изъ за чего собственно воюютъ князья: были лютеране на сторонѣ императора Фердинанда, были католики въ лагерѣ сторонниковъ реформы. Говорили, что курфюрстъ баварскій, ревностный католикъ, вступилъ въ тайныя сношенія съ французскимъ дворомъ; между тѣмъ, Франція оказывала поддержку князьямъ лютеранской вѣры. Мира хотѣли почти всѣ князья, но большая часть ихъ находила, что для умиротворенія страны прежде всего необходимо имѣть мощную армію.

Сеймъ, впрочемъ, было извѣстно, что главное, первое, самое важное дѣло сейма: какъ угодно, но во что бы то ни стало избавиться отъ Валленштейна. Онъ стоялъ во главѣ императорской арміи, и кормилъ ее будто бы на свои средства, в. с. не требовалъ на это денегъ изъ вѣнской казны. Въ дѣйствительности же, все бралъ у князей и у населенія тѣхъ земель, по которымъ проходили его войска: говорилъ, что такъ и быть должно, ибо кормить войну война, — и всѣхъ извѣлъ поборами, а еще больше своей гордостью, пышностью своего двора, подобнаго которому не было у самыхъ богатыхъ курфюрстовъ. Одни князья хотѣли назначить главнокомандующимъ венгерскаго короля, другіе — курфюрста баварскаго, но на одномъ всѣ стояли твердо и единодушно: императоръ долженъ уволить герцога Фридрихскаго въ отставку. При этомъ, въ всѣхъ было сомнѣніи: подписать приказъ объ

увольненіи легко, но уйдеть ли въ отставку Валленштейнъ, если приказъ и будетъ подписанъ? Армія же его стояла совсѣмъ близко: въ Меммингенѣ.

Курфюрсты и князья, прелаты и графы, благородные люди и городскіе совѣтники начали сѣзжаться въ Регенсбургъ въ іюнь. И такъ было всѣмъ грустно и безпокойно, что немного времени заняли сложные вопросы этикета: кому гдѣ сидѣть? Въ давшіе этимъ старики, помнившіе не одинъ сеймъ, съ двухъ-трехъ засѣданій порѣшили, что рядомъ съ майнцскимъ курфюрстомъ въ первый день сидѣть курфюрсту трирскому, а во второй — курфюрсту кельнскому. Остальное пошло совсѣмъ гладко.

Въ среду 29 іюня съ часу дня стали проѣзжать, по пути ко дворцу архіепископа, разныя повозки и коляски. Населеніе города дивилось обилію и роскоши багажа, числу императорскихъ слугъ, — ихъ было до трехъ тысячъ. Къ общему горю, сталъ накрапывать дождь. Совѣтники въ черныхъ шелковыхъ костюмахъ, съ золочеными цѣпями, заволновались, — какъ теперь сойдеть пріемъ, вѣдь они ни въ чемъ не виноваты! Стрѣлка городскихъ часовъ уже подошла къ тремъ, когда показался отрядъ венгерскихъ тѣлохранителей императора, — у ихъ сѣрыхъ коней хвостъ, грила и копыта выкрашены были въ красный цвѣтъ. За ними слѣдовали коляски, одна лучше другой, и, наконецъ, квадратная, раззолоченная, запряженная шестерикомъ карета. Въ ней на почетномъ мѣстѣ сидѣлъ императоръ Фердинандъ, а противъ него императрица Элеонора, оба въ шелковыхъ одѣянняхъ итальянской моды, одного серебрянаго цвѣта.

Поѣздъ остановился у кордегардіи. Пажи, въ черныхъ бархатныхъ костю-

махъ, безъ конца. Въ лѣсу туманъ. Качаютъ елки головою: «Ах, Боже мой!» — Лѣсъ точно пьянъ,

Пресыщенъ влагой дождевою.

Въ сторожкѣ темной у окна
Сидитъ и ложкой бьетъ ребенка.
Мать на печи, — все спитъ она,
Въ сырыхъ сѣняхъ мычитъ теленокъ.

Въ сторожкѣ грусть, мушкетеръ
Гудь...
— Зачѣмъ въ лѣсу звенитъ овсянка,
Грибы растутъ, цвѣты цвѣтутъ
И травы ярки, какъ медянка?

— Зачѣмъ подъ мѣрный шумъ дождя,
Томясь веѣмъ міромъ и сторожкой,
Большоголового дитя
Долбить о подоконникъ ложкой?

Мычитъ теленокъ, какъ иѣмой,
И клонятъ горестныя елки
Свои зеленыя иглы:
«Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!».

Ив. Бунинъ

Млечный путь

— Въ скитаньяхъ веселье будь и воленъ,
Терпи и жди грядущихъ встрѣчъ, —
Тотъ не со Мной, кто духомъ боленъ,
Тому не вѣдать, кто хочетъ лечь.
Просторъ морей, деревья пуши
И зрѣющій на нивѣ элакъ
Откроютъ бодримъ и идущимъ
Благословляющій Мой знакъ.
И пусть мѣшастъ вѣтеръ встрѣч-
ный, —
Иди, и помни: Я велѣлъ!
— Такъ говорилъ Господь и Млеч-
ный
На темномъ небѣ путь блестящъ.

Николай Туровъровъ.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЯ

на «РУССКИЙ ИНВАЛИДЪ»

12 номеровъ — 20 франковъ.

Загранику — 1 долларъ.

макъ, отворили дверцы. Бургомистръ, съ должнымъ числомъ поклоновъ въ поясъ и до земли, приблизился къ каретѣ и, по обычаю, поднесъ императору ключи города и подарки: кусокъ сукна, вино, сѣно и рыбу. Жена бургомистра произнесла выученное на зубокъ привѣтствіе императрицѣ и не сбилась даже въ конѣцъ его, хоть очень замысловатый конѣцъ выдумалъ старый совѣтникъ, знавшій придворныя обычаи: «...И если не могу я, недостойная, поцѣловатьъ вашему величеству руку, то да будетъ мнѣ дозволено поцѣловатьъ ногу вашего величества». Оказалось, однако, что старый совѣтникъ не такъ ужъ зналъ обычаи вѣнскаго двора и только осрамилъ Регенсбургъ, ибо полагалось женѣ бургомистра прикоснуться губами не къ рукѣ, и не къ ногѣ, а къ подолу платья императрицы. Встрѣча не очень удалась. Императоръ былъ въ дурномъ настроеніи — изъ за дождя, изъ за утомительной дороги, изъ за того, что у заставы его не встрѣтили курфюрсты. Улыбался совѣтникамъ въ обрѣзъ, — видномъ своимъ показалъ, что доволенъ Регенсбургомъ, но не слишкомъ доволенъ. Пажи захлопнули дверцы кареты, поѣздъ двинулся дальше.

Сеймъ же открылся не скоро. Послѣ молебствія въ соборѣ св. Петра, императоръ, въ тяжелой отороченной мѣхомъ мантии и въ коронѣ, держа у плеча, какъ ружье, скипетръ, оглядываясь по сторонамъ, вытирая бархатнымъ платкомъ лобъ, шески, короткую сѣловатую бороду, прошелъ въ залъ, сѣлъ на крытый краснымъ бархатомъ тронъ и, чуть наклонивъ голову направо и налево, открылъ первое засѣданіе: имѣлъ къ своему дѣлу большую привычку. Камерарій сѣдалью переключку лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ.

Императорское посланіе было туманное ибо сочинившій его канцлеръ Верденбергъ зналъ толкъ въ политикѣ: ничего въ посланіи не сказалъ. Говорилось въ немъ, что императоръ всей душой жаждетъ мира, но это его желаніе не у всѣхъ находить откликъ. А потому о сокращеніи арміи, къ несчастью, не можетъ быть и рѣчи, какъ ни искренно миролюбіе его величества. Первый съ отвѣтомъ выступилъ курфюрстъ майнцскій Ансельмъ-Казимиръ, и такъ какъ онъ тоже былъ опытный политикъ, то ничего не сказалъ и курфюрстъ, зная, что не на засѣданіи въ большомъ залѣ, передъ сотнями людей, рѣшаются важныя дѣла: засѣданія же и посланія, да и весь сеймъ, нужны больше потому, что это очень приятно благороднымъ людямъ и городскимъ совѣтникамъ. О герцогѣ Фридрихландскомъ не было сказано ни слова, точно его и не существовало на свѣтѣ. И только позднѣе, въ покояхъ архіепис-

скопа, гдѣ остановился императоръ, началось настоящее политическое дѣло: переговоры, торгъ, пяти-шести человекъ, отъ которыхъ все зависѣло на сеймѣ.

Потомъ городъ далъ обѣдъ въ честь императора Фердинанда. Сошелъ обѣдъ невесело. Императоръ, человекъ нездоровый и печальнаго нрава, почти ни къ чему не прикоснулся изъ поданныхъ тридцати блюдъ, даже къ уткѣ, утопленной въ старомъ венгерскомъ винѣ, зажаренной съ гвоздикой и съ ароматами, начиненной трюфелями и посыпанной золотой пылью. Многие гости, особенно дамы, замѣтили, что послѣ утки и рыбныхъ блюдъ императоръ и императрица, и венгерскій король, и эрцгерцогиня не облизили пальцевъ, а вытирали ихъ о скатерть; тѣ изъ гостей, что побойчѣе, тутъ же переняли эту новую французскую моду, государственные же люди обратили вниманіе на то, что послѣ десерта былъ къ его величеству подозванъ и дошло съ нимъ бесѣдовать непобѣдимый баварскій полководецъ графъ Тзеркль-Тилли — маленькій, сухенькій, остроносый старичекъ, который за обѣдомъ ѣлъ только хлѣбъ и овощи, къ вину не прилагивался и поглядывалъ на обѣдающихъ исподлобья съ злобнымъ презрѣніемъ. Государственные люди тотчасъ сдѣлали выводъ, оказавшійся вполне правильнымъ: такъ какъ императоръ не хочетъ назначать главнокомандующимъ баварскаго курфюрста, а курфюрсты не желаютъ императорскаго сына, то, вѣрно, всѣ сошлись на графѣ Тилли: именно онъ и будетъ назначенъ преемникомъ герцога Фридрихландскаго.

Императоръ же былъ грустенъ и послѣ разговора. Ему и нужно, и страшно было разстаться съ Валленштейномъ. Не хотѣлось и уступать желанію сейма. И видъ его показывалъ, что онъ доволенъ Регенсбургомъ, но не слишкомъ доволенъ. Грусть же императора перелалась курфюрстамъ и князьямъ, прелатамъ и графамъ, благороднымъ людямъ и городскимъ совѣтникамъ.

М. Алдановъ.

ПОРТНОЙ

Ф. АГЪЕВЪ

8, rue Tiphain, Paris XV.
Métro: La Motte-Picquet.
Tél.: Suf. 32-74.

РУССКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ

JULIEN

Ю. ПОПРАВКО

25, rue Bosquet, Paris (7).
Tél.: Ségur 68-27.